

Общественное объединение
«Центр изучения внешней политики и безопасности»

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ И НАТО В 2014 ГОДУ**

Сборник материалов международного семинара

Минск, 4–5 декабря 2014 года

Минск
РИВШ
2015

Рекомендовано
правлением Общественного объединения
«Центр изучения внешней политики и безопасности»
(протокол № 6 от 22 декабря 2014 г.)

Редакционная коллегия:

Кандидат исторических наук, доцент *А. В. Русакович* (отв. ред.);
Доктор исторических наук, профессор *А. А. Розанов*;
Доктор исторических наук, профессор *В. Г. Шадурский*;
Доктор исторических наук, профессор *А. А. Чельдинский*;
Кандидат исторических наук, доцент *А. В. Тихомиров*;
С. Ф. Палагин

Международная безопасность и НАТО в 2014 году : сб. материалов
Международной семинара. Минск, 4-5 дек 2014 г. / под ред. А. А. Розанова,
А. В. Русаковича. – Минск : РИВЦ, 2015. – 94 с.
ISBN 978-985-500-861-4.

В сборнике представлены статьи по различным аспектам европейской
и международной безопасности, внешней политике отдельных государств на со-
временном этапе.
Адресованы ученым, преподавателям, студентам, а также всем, кто интересу-
ется проблемами международной и европейской безопасности.

УДК 327.51(082)
ББК 66.4(0)я43

ISBN 978-985-500-861-4

© Оформление. ГУО «Республиканский
институт высшей школы», 2015

Абилов И. Взаимодействие Турции и НАТО в ходе Сирийского конфликта	4
Авласенко И. М. Миссия НАТО в зонах региональных конфликтов в 2010-е годы	9
Антанович Н. А. Политический дискурс войны и мира в конструировании концепта международной безопасности	16
Баряховтов П. А. Политика ассоциации ЕС в отношении Украины (2014 г.): украинский стресс-тест для европейской безопасности	23
Бровка Г. М. Обеспечение региональной экономической безопасности в условиях разновекторных интеграционных процессов	27
Бычковская О. М. США, Евросоюз и НАТО в условиях новых вызовов международной безопасности	32
Володькина А. А. Региональное сотрудничество в контексте евроатлантической интеграции: пример стран Балтии	38
Воронович В. В., Верлуп С. В. Понимание сущности угрозы коллективной безопасности как системного объекта в контексте совершенствования стратегии развития НАТО	43
Воронович В. В. Трансформация концептуальных основ функционирования НАТО	50
Довгань Е. Ф. Имплементация Республики Беларусь международных обязательств, связанных с участием в региональных организациях на постсоветском пространстве	56
Розанов А. А. Формирование «боевых групп» ЕС	65
Русакович А. В. Создание Евразийского экономического союза и проблемы безопасности на постсоветском пространстве	69
Сивинский А. В. Реакция НАТО на украинский кризис (по результатам симуляционной игры)	72
Чельдинский А. А. Ливийский провал НАТО	78
Чиж А. М. Энергетическая безопасность в повестке дня НАТО	83
Шпаковский А. П. Восребованность сотрудничества ОДКБ и НАТО в преодолении вызовов глобальной безопасности	88

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ВОЙНЫ И МИРА В КОНСТРУИРОВАНИИ КОНЦЕПТА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

И. А. Ананович, Белорусский государственный университет, доцент

Политический дискурс в области международных отношений связан с проблемами войны и мира, агрессии и сотрудничества, которые охватываются тем или иным пониманием безопасности. Дискурсивный подход получает все более широкое распространение в политической науке. М. Маркс (M. Marks) в 2011 г. выпустил книгу «Метафоры в теории международных отношений», А. Бенки (A. Benke) опубликовал книгу «Дискурс НАТО по проблемам безопасности после окончания холодной войны» (2012). Д. Марчин (D. Marchin), Т. Ван Ливен (T. Van Leeuwen) выпустили работу «Дискурсы войны» (2007). Следует также отметить работы А.П. Чудинова (теоретико-методологические обоснования политической лингвистики), И.В. Жукова (исследование войны в дискурсе прессы), В.С. Мартынова (изучение политической риторики), А.А. Степанова (анализ смыслового пространства понятия война и мир).

Цель данной статьи – изучить особенности дискурсивных практик и приемов в конструировании концепта международной безопасности.

Связь человека с миром и с социумом является и практической, и коммуникативной (по сути – языковой). Наши действия, согласно классикам инвент-анализа, можно подразделить на физические и вербальные (работы Ч. Тилли, Э. Азара, Дж. Гольдштейна). Вербальные (речевые) действия в сфере международных отношений делится на миропольные и воинственные, а точнее – на дискурс мира и войны. Известнейшие мыслители с войной либо миром связывали понимание изначальной сущности человека: по Т. Гоббсу война – это «естественное состояние человека». А вот мир нужно поддерживать, сохранять, защищать. А.А. Степанов указывает, что понятие «война» обладает денотатом (т.е. мы можем эмпирически зафиксировать войну как историческое событие), а понятие «мир» является абстрактным. Денотатом обладает словосочетание «мирный договор», а не просто «мир» (если речь идет о Вселенной). А. Степанов делает вывод: «"война" – имманентна и феноменальна, а "мир" – трансцендентен и ноуменален; война связана с движением, изменением и становлением, а следовательно, с временем и пространством; мир связан с неизменным, покоем и вечностью» [7]. Оба дискурса (мира и войны) могут использоваться в конструировании представлений о безопасности (как для правящей элиты, так и для широких масс).

Реалистическая школа международных отношений рассматривает безопасность как производную от силы (в первую очередь военной), а школа

политического идеализма – как следствие мира, поскольку прочный мир обеспечивает безопасность для всех. Теория секьюритизации, представленная работами Б. Бузана (B. Buzan) и О. Вэвера, рассматривает безопасность в качестве «дискурсивной практики, направленной на изменение расстановки политических приоритетов» [4, с.25]. Ж. Альварес отмечает, что книга Б. Бузана «Народы, государства и страхи» (1983) положила конец рассмотрению безопасности исключительно в военном плане. Безопасность включает в себя политические, социальные, экологические, культурные [добавим, и экономические (авт.) аспекты] [9, р.62-63].

Таким образом, понимание безопасности может постулироваться как посредством миропольной, так и посредством воинственной риторики. Значимой стороной безопасности являются угрозы, которые должны предупреждаться либо преодолеваются. Безопасность в системе международных отношений может рассматриваться как атрибут государства (блоков государств) и как атрибут международного сообщества. Второе понимание безопасности не может возникнуть спонтанно. Оно формируется в реальных межгосударственных отношениях и закрепляется в определенном дискурсе.

Политический дискурс как актуальное использование речевых практик всегда связан с метафорами. В качестве базисных, основополагающих выделяют следующие виды метафор: метафора пути, справедливой войны и рыцаря-освободителя, болезни и разрушения, «зоологические» метафоры (см. работы А.П. Чудинова) [5, с.86-89]. В дипломатии метафоры применяются как средство презентации идей, восприятия отношений с партнерами (метафоры мира и спортивного состязания), инструмент достижения мира.

Метафора пути воплощается в представлениях о стратегии будущего развития общества (например, образы дороги, локомотива). В дипломатии метафора пути широко распространена: дорожная карта, пошатывая дипломатии. Метафоры болезни и разрушения предупреждают об угрозах для общества, рисуют образ врага (другого, чуждого). Консолидации против угрозы (явной либо воображаемой) воплощается в метафорах справедливой, славной войны, противостояния против вероломной агрессии, «холодной войны». Пример «зоологических» метафор – «ястребы и голуби».

В основе «рашпифровки» метафор массовым сознанием лежат фреймы, понимаемые как типизированные структуры восприятия окружающего мира. Применительно к международным отношениям используются фрейм конфликта и фрейм «игры». Примером фрейма конфликта является увязывание имени какого-либо политика с Гитлером (имя последнего используется как «метафорическую оболочку, которая передает основной набор характеристик, включающий референтную модель "война"») [6, с.10-11]. Фрейм «игры» представляет международные отношения по аналогии со спортивными

соревнованиями, где, как известно, с одной стороны «главное не победа, а участие», а с другой – «побеждает сильнейший». Метафора политики как спортивного сражения в научном и публичном дискурсе перешлетается с презентационной политического противостояния с помощью теории игр: игры с нулевой суммой и игры с ненулевой суммой.

М. Маркс провел исторический экскурс использования метафор в сфере международных отношений. Так, в середине века государства описывались как «места на карте» [10, с. 162]. В 18 веке термин «сообщество государств» возник под влиянием биологических аналогий. Более поздние метафоры описывают международные отношения как «сеть» с «темными углами и темными тенями» [10, с. 166]. М. Маркс показывает метафоричность словосочетаний «война с наркотиками», «война с терроризмом».

Применение метафор сопрягается с использованием прецедентных имен. Речь идет об именах, которые стали символическими, отражают определенное совокупность качеств, получили широкую известность. Например: Наполеон, Александр Невский, Тарас Бульба, Кастурь Калиносовский.

Еще одним речевым приемом, активно применяемым в политическом дискурсе, являются эвфемизмы. В публичных высказываниях используются смягченные, завуалированные формулировки. Данный прием оправдан ради сохранения политической корректности, он уместен в дипломатической лексике, когда резкие высказывания заменяются нейтральными. Так, когда невозможно заявить о прямой поддержке политических действий, то используют фразы «отнестись с пониманием», «выразить глубокую озабоченность», «нельзя оставаться безучастными к событиям...».

Однако эвфемизмы легко превращаются в манипулятивный прием в массовой коммуникации. Приведем примеры. Слово «пытки» заменяется фразой «жесткие методы допроса» (применялись ПРУ к подозреваемым в терроризме). Подводя итоги крайне неспокойного для мировой безопасности 2014 г., журналисты отметили, что в заявлении ряда политиков либо их пресс-секретарей «слова "ложь" или "вранье" ... заменились на эвфемизмы "ошибки перевода", "вырвано из контекста" или на банальное "память подвела"» [2]. Еще один пример: «Длинная фраза "Труд освобождает" (Arbeit macht frei) стала наглядным примером эвфемизма и преуменьшения в нацистской пропаганде и напоминанием о невообразимых муках заключенных концлагерей» [4].

Ряд авторов (С.Г. Кара-Мурза, И.В. Жуков) показывают, что в политическом дискурсе (и в дискурсе СМИ особенно) понятие «война» часто замалчивается, не называется своим именем, а взамен используются: «конфликт низкой (или высокой) интенсивности», «гуманитарная операция», «антитеррористическая операция» [1]. Уместным будет сравнение терминов «агрес-

сия» и «принуждение к миру». Конкретные субъекты политики и СМИ в зависимости от идеологической приверженности используют ту или иную терминологию. Но вне зависимости от идеологической позиции «дискурсивные основы любой современной войны представляют собой мощное и эффективное средство достижения информационного, политического, идеологического и экономического господства» (высказывание И.В. Жукова) [1].

Применение аллюзий в политическом дискурсе является искусством намеков на исторические события и факты, литературных героев. Аллюзии могут быть облечены в неформальную форму. Аллюзии применяла Мадлен Олбарайт, налевая разные броши. Не обходится политический дискурс и без оксюморонов – своего рода стилистических ошибок, когда в одном словосочетании совмещают несовместимое: «принципиальная беспринципность» (А. Трипский), «партнеры-недоброжелатели» (М. Ремизов), «миролюбивый ястреб войны», «арессивный миротворец». Оксюмороны могут использоваться для того, чтобы вызвать когнитивный диссонанс, подтолкнуть к пересмотру сложившихся стереотипов, а также как сатирический прием.

Хорошо известный прием «навеивания ярлыков» в современном политическом дискурсе эффективно используется в форме «стигматизации»: с политическим лидером или политической силой увязывают представления о нем социальном неблагополучии, пороке («стигме» как кровотокающей ране). Далее следует прием монополизации понятий и имен [6, с. 39]. Сравним: «народное сопротивление, силы самообороны» и «провокаторы, наемники, сепаратисты, экстремисты, террористы».

Отдельное внимание в политическом дискурсе-анализе уделяют прессу-позициям, которые выглядят как обычные утверждения, но формулируются так, чтобы не вызывая сомнений, дать адресату установку на определенное действие. В противовес концепту безопасности как гармонии и мира формируются так называемые «пресуппозиции опасности» – это «предостережения, закодированные в тексте», «угрозы безопасности». Пресуппозиции в сочетании с монополизацией понятий и имен формируют стандартизированные взгляды и стереотипы.

Когда нет смысла прибегать к политически корректным приемам, используются аксиологическую поляризацию (дихотомическое представление реальности с использованием негативных оценочных категорий). Могут использоваться просторечные, диалектные и даже жаргонные слова. Резкие, провокационные заявления иногда называют «языковым экстремизмом» [11, с. 37].

Итак, внутриполитические процессы и международные отношения можно эффективно исследовать посредством дискурса-анализа (в том числе исследования специальных лингвистических приемов). А. Бенки провел дис-

соревнованиями, где, как известно, с одной стороны «главное не победа, а участие», а с другой — «побеждает сильнейший». Метафора политики как спортивного сражения в научном и публицистическом дискурсе переплетается с презентацией политического противостояния с помощью теории игр. Игры с нулевой суммой и игры с ненулевой суммой.

М. Маркс провел исторический экскурс использования метафор в сфере международных отношений. Так, в середине века государства описывались как «места на карте» [10, с. 162]. В 18 веке термин «сообщество государств» возник под влиянием биологических аналогий. Более поздние метафоры описывают международные отношения как «сеть» с «темными углами и тенями ми тенями» [10, с. 166]. М. Маркс показывает метафоричность словосочетаний «война с наркотиками», «война с терроризмом».

Применение метафор сопрягается с использованием прецедентных имен. Речь идет об именах, которые стали символическими, отражают определенное совокупность качеств, получили широкую известность. Например: Наполеон, Александр Невский, Тарас Бульба, Кастурь Калиновский.

Еще одним речевым приемом, активно применяемым в политическом дискурсе, являются эвфемизмы. В публицических высказываниях используются смягченные, завуалированные формулировки. Данный прием оправдан ради сохранения политической корректности, он уместен в дипломатической лексике, когда резкие высказывания заменяются нейтральными. Так, когда невозможно заявить о прямой поддержке политических действий, то используют фразы «отнестись с пониманием», «выразить глубокую озабоченность», «нельзя оставаться безучастными к событиям...».

Однако эвфемизмы легко превращаются в манипулятивный прием в массовой коммуникации. Приведем примеры. Слово «пытки» заменяется фразой «жесткие методы допроса» (применялись ПРУ к подозреваемым в терроризме). Подводя итоги крайне неспокойного для мировой безопасности 2014 г., журналисты отметили, что в заявленных рядах политиков либо их пресс-секретарей «слова "ложь" или "вранье" ... заменились на эвфемизмы "ошибки перевода", "вырвано из контекста" или на банальное "память подвела"» [2]. Еще один пример: «Линичная фраза "Труд освобождаст" (Arbeit macht frei) стала наглядным примером эвфемизма и преуменьшения в национальной пропаганде и напоминанием о невообразимых муках заключенных концлагерей» [4].

Ряд авторов (С.Г. Кара-Мурза, И.В. Жуков) показывают, что в политическом дискурсе (и в дискурсе СМИ особенно) понятие «война» часто замалчивается, не называется своим именем, а взамен используются: «конфликт низкой (или высокой) интенсивности», «гуманитарная операция», «антитеррористическая операция» [1]. Уместным будет сравнение терминов «агрес-

сия» и «принуждение к миру». Конкретные субъекты политики и СМИ в зависимости от идеологической приверженности используют ту или иную терминологию. Но вне зависимости от идеологической позиции «дискурсивные основы любой современной войны представляют собой мощное и эффективное средство достижения информационного, политического, идеологического и экономического господства» (высказывание И.В. Жукова) [1].

Применение аллюзий в политическом дискурсе является искусством намеков на исторические события и факты, литературных героев. Аллюзии могут быть обличены в невербальную форму. Аллюзии применяла Мадлен Олбарайт, надевая разные броши. Не обходится политический дискурс и без оксюморонов — своего рода стилистических ошибок, когда в одном словосочетании совмещают несовместимое: «принципиальная беспринципность» (А. Трипкий), «партинеры-недоброжелатели» (М. Ремизов), «миролюбивый астроб войны», «агрессивный миротворец». Оксюмороны могут использоваться для того, чтобы вызвать когнитивный диссонанс, подтолкнуть к пересмотру сложившихся стереотипов, а также как сатирический прием.

Хорошо известный прием «наевичивания арляков» в современном политическом дискурсе эффективно используется в форме «стигматизации»: с политическим лидером или политической силой увязывают представления о немом социальном неблагополучии, пороке («стигме» как кровотокающей ране). Далее следует прием монополизации понятий и имен [6, с. 39]. Сравним: «народное сопротивление, силы самообороны» и «провокаторы, наемники, сепаратисты, экстремисты, террористы».

Отдельное внимание в политическом дискурсе-анализе уделяют прессу-позициям, которые выглядят как обычные утверждения, но формулируются так, чтобы не вызывая сомнений, дать адресату установку на определенное действие. В противовес концепту безопасности как гармонии и мира формируются так называемые «пресуппозиции опасности» — это «предостережения, закодированные в тексте», «угрозы безопасности». Пресуппозиции в сочетании с монополизацией понятий и имен формируют стандартизированные взгляды и стереотипы.

Когда нет смысла прибегать к политически корректным приемам, используются аксиологическую полиризацію (дихотомическое представление реальности с использованием негативных оценочных категорий). Могут использоваться просторечные, диалектные и даже жаргонные слова. Резкие, провокационные заявления иногда называют «языковым экстремизмом» [11, с. 37].

Итак, внутриполитические процессы и международные отношения можно эффективно исследовать посредством дискурса-анализа (в том числе исследования специальных лингвистических приемов). А. Бенки провел дис-

курс-анализ концепта безопасности в трактовке НАТО. Согласно А. Бенки, НАТО во время «окологонной войны» удалось выработать общее чувство политической и культурной идентичности всех государств-членов [11, р.3]. Развитие НАТО рассмотрено А. Бенки через призму теории «друзей-врагов» Карла Шмитта и связывается с меняющимися угрозами, которые не могут быть четко пространственно определены и ограничены. После событий 9/11 альянс все больше концентрируется на таких международных угрозах, как терроризм, кибер-атаки, неконтролируемое распространение оружия массового уничтожения [12]. После окончания «окологонной войны» и в связи с расширением альянса значимость общей идентичности возросла. В то время как вступление государств Центральной и Восточной Европы в НАТО представлено в формате их полной интеграции, Россия получила роль многолетнего аутсайера. Государства «Юга» для альянса представляются как «пространство фундаментализма, иррациональности и авторитаризма» [12].

Т. Дарскаут (T. Darskaus) на основе дискурс-анализа публикаций в российских газетах о НАТО за период 2004 – 2010 гг. делает вывод, что одно из важных разногласий РФ и НАТО связано с расширением влияния альянса на постсоветские республики [8, р.83]. Непосредственная близость стран-членов НАТО к границам России воспринимается как потенциальная опасность, а отношения с альянсом воспринимаются как ненадежные из-за нарушения обещания, данного Горбачеву о не-расширении НАТО на Восток...» [8, р.85]. Отношения Россия-НАТО развиваются волнообразно (рост и снижение напряженности) [8].

Л. Купидо (L. Curido) проведен дискурс-анализ формирования идентичности НАТО во время кризисов в Абхазии, Южной Осетии и Крыму и сделан вывод, что в официальной реакции на кризисы НАТО фокусируется на таких понятиях, как суверенитет и территориальная целостность, международное право [12, р.20]. Риторика НАТО в период присоединения Крыма к РФ содержит такой дискурсивный прием, как дихотомия, а также ссылки на проблемы безопасности и подчеркивает идею коллективной защиты [12, р.22].

Речевые приемы эффективны только при достаточном уровне доверия к источнику информации. Если доверия нет – нет и ожидаемого воздействия. Столкновение политических публичных дискурсов, построенных на основе применения тех или иных специальных приемов, зачастую приводит не к достигнутому пониманию, а к коммуникативным недоразумениям. Применение дискурс-анализа в исследовании современных международных отношений на эмпирических массивах текстовых данных – весьма продуктивная методология, которая позволяет выявлять подлинные смыслы физических ак-

ций и самих вербальных высказываний, зашифрованных с помощью сложных лингвистических приемов.

Дискурс проблем международной безопасности политизирован: понимание безопасности может постулироваться как посредством миролюбивой, так и посредством воинственной риторики. Дискурс-анализ может помочь сторонам лучше понять друг друга. Но ведущую роль играет политическая воля, основанная на сбалансированности интересов сторон.

Литература

1. Жукон И.В. Война в дискурсе современной прессы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://geneta.pinet.ru/pls/iv/izhdikov_war.htm – Дата доступа: 11.10.2014.
2. Калтыгина А. «Все лгут». Как обманывали мир политики и дипломаты в 2014 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/world/429582.html> – Дата доступа: 11.10.2014.
3. Морозов В.Е. Безопасность как форма политического. о секьюритизации и политизации // Полис. - 2011. - № 3. - с.24-35.
4. Ондрускова И., Польская К. Кому принадлежала ковчаная дверь бывшего лагеря смерти? // DW. 04.11.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.de/кому-принадлежала-ковчаная-дверь-бывшего-лагеря-смерти/a-18038926> – Дата доступа: 11.10.2014.
5. Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Вып. (1) 24. – Екатеринбург, 2008. – 184 с.
6. Политическая лингвистика. / Гл. ред. А.П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т; Вып. (3)23. – Екатеринбург, 2007. – 190 с.
7. Степанов А.А. Война и мир в смысловом пространстве философии: методологический аспект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psibook.com/philosophy/woma-i-mir-v-smyslovom-prostranstve-filosofii-metodologicheskij-aspckt.html> – Дата доступа: 11.10.2014.
8. Darskaus T. The Russian NATO discourse. An analysis of perspectives on the North Atlantic Treaty Organization in Russian newspapers. – University of Oslo, 2011. – 109 p. – [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.uio.no/handle/10852/33966> – Date of access: 15.12.2014.
9. Alvarez J. E. Re-thinking (in)security discourses from a critical perspective. – Astetiskos. 2006. 1/2. p. 61-82. – [Electronic resource]. – Mode of access: http://schavaglia.wissweb.at/fileadmin/schavaglia/Retinking_insecurity_Astetiskos_01.pdf – Date of access: 15.12.2014.

10. Marks M. P. *Metaphors in International Relations Theory*. – Palgrave MacMillan, 2011. – 257 p.
11. Behnke A. *NATO's Security Discourse after the Cold War: Representing the West*. – Palgrave Macmillan, 2012. – 248 p.
11. Behnke A. *NATO's Security Discourse after the Cold War – Representing the West*. Rewire on the book. 2013. – [Electronic recourse]. – Mode of access: <http://www.exploringgeopolitics.org/andreas-behnke-nato-s-security-discourse-after-the-cold-war-representing-the-west/> Date of access: 10.01.2015.
12. Cupido L. *A discourse analysis of NATO's identity formation during the crises in Abkhazia, South Ossetia and Crimea*. – Universiteit Leiden, 2014. – 26 p. – [Electronic recourse]. – Mode of access: <https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/28681> – Date of access: 15.12.2014.